

МАКСИМ ЧЕРТАНОВ

Снежить

ПАЛЪМИРА
Т8 ИЗДАТЕЛЬСКИЕ ТЕХНОЛОГИИ

УДК 821.161.1
ББК 83.3(2Рос-Рус)
Ч50

Чертанов, М.

Ч50 Снежить / Максим Чертанов. — М. ; СПб. : «Т8 Издательские Технологии» / «Пальмира», 2020. — 302 с. — (Серия «Пальмира — триллер»).

ISBN 978-5-517-02658-3

Молодая пара поселилась в тихом подмосковном городке у самого леса. О лесе ходят страшные и таинственные легенды. Но действительность оказывается ещё страшней.

УДК 821.161.1
ББК 83.3(2Рос-Рус)

© Чертанов М., 2020
© Оформление.

ISBN 978-5-517-02658-3

АО «Т8 Издательские Технологии», 2020

*Саламандра, жги,
Ундина, вейся,
Сильф, рассейся,
Кобольд, трудись!*

Гёте «Фауст»

*Ужас и рок во все времена блуждали
по земле, так что нет необходимости
называть место и время действия на-
шего рассказа.*

Эдгар По «Метценгерштейн»

ГЛАВА 1

Он стоял на отшибе; лишь разбитый тротуар в пушистых сугробах, да два ряда заснеженной голой рябины, да полузаметенная дорога отделяли его от опушки густого хвойного леса, почти черного в сгущавшихся сумерках. Это был самый обыкновенный старый пятиэтажный дом грязно-желтого цвета — хрущевка. Штукатурка на нем вся облупилась, хлипкие балкончики глядели жалко. Печален был и двор: фонарные столбы перекошились — вот-вот повалятся — и фонари почти все были разбиты, цел лишь один, у крайнего подъезда, да и тот не горел.

— Боюсь, я совершил ошибку... — пробормотал Кирилл.

Когда он вместе с агентом по недвижимости в первый раз приезжал смотреть квартиру, было начало сентября, теплая, почти летняя погода, и низенький старый дом, окруженный деревьями в зеленых, золотых и алых листьях, казался ему веселым и уютным. Теперь листья опали, было минус десять, ветер гнал колючую снежную крошку. Зима в этом году началась очень рано. Кирилл внимательно посмотрел на свой новый подъезд: дверь сиротски болталась на одной петле. Нужно будет, не откладывая, сходить в ЖЭК, или как там эта служба называется. Он поднял воротник куртки и с тревогой взглянул на Настю: не холодно ли ей. Но Настя, одетая в беличью шубку и толстую вязаную шапочку, смотрела на него спокойно и улыбалась.

— Не «ты», а мы», — сказала она. — И никакой ошибки мы не совершили. Ребенку нужна отдельная комната.

И, воровато оглянувшись — не видит ли кто? — Настя поцеловала Кирилла в щеку, потом в губы. Она всегда так целовала его — украдкой, точно воровка, будто не была его женой, — память о тех, не столь давних временах, когда была женою другого.

— Эй, хозяйева! — нетерпеливо крикнул бригадир грузчиков (их было всего двое, но даже в таком маленьком коллективе должен быть бригадир), — в квартиру-то кто-нибудь подымайтесь! — и сердито сплюнул сквозь зубы. Как полководец перед битвой, он окинул взором жалкий скарб: сервант полированный — одна штука, холодильник — ровесник бригадире, стол кухонный, табуретки, книжные полки... Связки книг, тряпки, тряпки, тряпки, пара потертых ковров, тахта... Ни шкафа приличного у людей, ни трюма, ни кровати, ни пианино... А шубка на бабе — ничего... А впрочем, не было ему до них никакого дела.

Они оторвались друг от друга, как виноватые. Настя, гремя ключами, побежала наверх, чтоб указывать грузчикам путь. А Кирилл остался на улице. За грузчиками нужен присмотр. Впрочем, от его присмотра было мало толку: он был не из тех людей, что умеют обращаться с рабочими. Его интеллигентскую робость они всегда принимали за высокомерие. И тощая старуха в валенках и грязных галошах, что семенила вдоль гряды сугробов, глянула на него из-под кустистых бровей весьма недружелюбно, потому что он понаехал тут неизвестно откуда и всю дорогу своими погаными «жигулями» и своим паршивым грузовиком загородил. И глазки старухи были злые, и нос крючковат, как у Бабы-Яги... Кирилл вздохнул и несколько раз переступил с ноги на ногу, пытаясь согреться. Зря он не надел зимних ботинок, как советовала жена. Но ведь еще только седьмое октября! Ужасно, ужасно ранняя нынче зима, что ж дальше-то будет?

А ведь еще вчера, еще сегодня утром они были — москвичи, столичные жители. Все было решено пару месяцев

тому назад, когда анализы показали, что Настя беременна. Им двоим еще можно было как-то ютиться в коммуналке — комната в пятнадцать метров, столик на кухне, чистая ванна, тихий сосед (разведенный учитель черчения) и пять минут пешком до метро «Чертановская», — но третьему не было там места. Кириллу с его историко-архивным образованием на отдельную квартиру вовек не заработать, а Настин бывший муж не был настолько благороден, чтоб оделить изменницу жилплощадью — не убил, и на том спасибо.

За все приходится платить. Миллионы людей каждый день ездят на работу из Подмосковья, и ничего. Машина у них одна, «девятка» старая, и ездить на ней будет, конечно, жена, пока не настанет срок идти в декрет. Она любит водить машину, даже такую плохую и старую. Он тоже любит, но она работает в Свиблове, а он — в Чертанове. Дело в том, что городок, где они теперь обречены жить, расположен к северу от Белокаменной: Настя села за руль и быстренько, за час-другой, добралась, а Кириллу еще через всю Москву с ее пробками тащиться, так лучше уж автобусом, всего-то пара пересадок... Зато у малыша будет отдельная комната...

И воздух здесь чистый. Агент по недвижимости все уши прожужжал этим воздухом. Кирилл вынужден признать: воздух, действительно, очень чистый, кругом лес. Но, господи, какая унылая, жалкая, убогая, страшная дыра!

Да, за все приходится платить. А платить-то было и нечем. На лучшее со своими коммунальными метрами они не могли рассчитывать, ладно хоть такой обмен нашелся, агент энергичный был, всю многоступенчатую, многохвостную сделку спроворил четко и быстро. Он тогда позвонил Кириллу и радостно сказал: «Есть двушка в Снегиреве — надо брать». — «Снегирево? — в ужасе переспросил Кирилл. — Я о таком поселке и не слышал...» (Он знал только самые ближние и более-менее крупные подмосковные города, которые всякий москвич знает: Мытищи, например.) «Не Сне-

гирево, а Снегирев, — с обидой поправил его агент. — Снегирев — очень приличный город с развитой инфраструктурой. Раньше закрытым был — что-то военное... Там и сейчас все больше военные живут — приличные, спокойные, дисциплинированные люди».

«Квартира в центре?» — спросил Кирилл уже не так испуганно. «В одном из лучших районов. Великолепный район. С точки зрения экологии». (Агент так сильно упирал на экологию, потому что Настя ругала Москву за дым и грязь.) «А автобусы там ходят?» — спросил его Кирилл. «И автобусы, и электрички, — весело отрапортовал агент, — говорю же: инфраструктура отличная». «Этаж, конечно, первый...», — обреченно протянул Кирилл. «Второй», — успокоил его агент. «А... а магазины там есть?» — глупо спросил Кирилл: он никогда не жил в провинции. «Есть, есть, — отвечал агент, — в Снегиреве все есть. И круглосуточные супермаркеты есть, и стриптиз, и банки, и салоны красоты». И стоявшая рядом Настя, услышав про салоны красоты и круглосуточные супермаркеты, толкнула Кирилла в бок и зашептала: «Соглашайся». И он на следующее утро поехал с агентом в город Снегирев, и посмотрел квартиру, и сказал агенту, чтобы вносили задаток, а потом уже отступать было некуда, и вот теперь они больше не москвичи.

У подъезда была лавочка — просто узкая прогнившая доска на двух ногах, без спинки. Кирилл осторожно опустился на нее, как воробей на жердочку, закурил. Наверху жалобно завизжали ржавые петли, стукнула распахнувшаяся рама; он поднял глаза и увидел золотистую, мальчишески стриженую, любимую головку: уже в спортивном костюме с закатанными рукавами, деловитая, румяная, ясноглазая, его же на вытаскивала на утлый балкончик какие-то коробки...

Кирилл ведь тоже был до Насти на другой женщине женат. Но это было давно, как будто и не было вовсе. Он в первый раз совсем мальчишкой женился, на втором курсе. Он